

НАВСТРЕЧУ ВТОРОМУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

Анкеты московских библиотек

Массовые библиотеки Москвы развернули широкую подготовку ко Второму съезду писателей. Они обратились к читателям с призывом высказать свое мнение о современной советской литературе, о любимых книгах, о творчестве своих любимых писателей.

«Какие книги вам больше нравятся?», «Какие книги вы читаете и перечитываете?», «Что ценное, по вашему мнению, создано советской литературой за двадцать лет, прошедших со времени Первого съезда писателей?», «Что не удовлетворяет вас в книгах советских писателей?». Эти вопросы задаются в анкетах, на читательских конференциях, в беседах. Многие библиотеки собирают отзывы читателей в альбомы, выпускают предвыборные бюллетени. В библиотеке № 28 имени Горького начал выходить рукописный журнал «Читатель» с отзывами, замечаниями и предложениями любителей книг — трудящихся Краснопресненского района.

Почти во всех библиотечных организациях выставки, посвященные достижениям советской литературы за двадцать лет. Состоятся и организуются читательские конференции на самые различные литературные темы. Так, библиотека № 14 организует обсуждение творчества Э. Казакевича, библиотека № 24 — Г. Николаевой, библиотека № 79 — проблем советской сатиры, библиотека № 94 — проблем советской поэзии.

В нескольких районах столицы состоялись литературные вечера. «Слово читателей района — съезду писателей» — так определяется содержание этих вечеров.

Высокая активность москвичей, принимающих участие в обсуждениях, встречах, конференциях, свидетельствует о хозяйской заинтересованности в судьбах советской литературы, о требовательной любви к художественному слову.

Дружба писателей братских республик

Большой вечер представителей литератур Азербайджана, Армении и Грузии состоялся на днях в Тбилиси. Вечер вызвал большой интерес у общественности; зал Государственного театра имени Руставели, где проходил вечер, был заполнен народом.

Открывая вечер, секретарь ССП Грузии Ираклий Абашидзе приветствовал гостей, а также присутствовавшего на вечере выдающегося турецкого поэта Назыма Хикмета. В. Жентин в своем докладе рассказывал о расцвете литературы народов Закавказья, их нерушимой многовековой дружбе.

С чтением своих произведений и речами выступили армяне писатели С. Золян, А. Салахан, С. Капутиян, А. Сирас, Р. Ованнисян, В. Варданян, Г. Эмин; азербайджанские писатели М. Рагим, М. Дильбаз, Н. Рафибейли, Н. Бабаев, В. Вагабзаде, О. Саривелли, Расул Раа и грузинские писатели Г. Табадзе, А. Мирхулава, С. Чиковани, К. Каладзе, Гр. Абашидзе, М. Бараташвили, Р. Маргиани, К. Берулава.

Горячо встретили присутствовавшие выступление Назыма Хикмета, читавшего свои стихи. Вечер закончился большим концертом.

ТБИЛИСИ. (Наш корр.)

Совещание очеркистов

25 октября в Центральном доме литераторов в порядке подготовки ко Второму съезду писателей открывается широкое совещание писателей-очеркистов. Совещание созывается секретариатом ССП СССР при участии Института мировой литературы имени А. М. Горького. Будут обсуждаться вопросы развития советского очерка, публицистики и научно-художественной литературы.

Кроме писателей и журналистов Москвы, в совещании примут участие литераторы братских республик и отдельных областей РСФСР.

К совещанию в залах ЦДЛ откроется выставка, отражающая работу очеркистов за двадцать лет. Специальный раздел выставки посвящен рукописям, письмам и автографам А. М. Горького.

Письмо к литературному герою

В эти дни, когда широкая литературная общественность готовится ко Второму съезду писателей, из китайской провинции Синьцзян в Узбекистан пришло необычное письмо. На его конверте был следующий адрес: «Узбекистан, Ферганская область, Куд-Кумас Чули, колхоз имени Сталина, тов. Уктамджан».

В письме говорится: «Возможно, вы будете удивлены, получив это письмо от незнакомого человека. Ваше великое трудолюбие, ваш талант, ваша революционная идея и ваше служение делу коммунизма вдохновили меня и моих товарищей на трудные подвиги в борьбе за успешное выполнение пятилетнего плана, который начал осуществляться сейчас великий китайский народ. Воодушевленные вашим патристическим примером, мы не пожалели сил, чтобы сделать ему. Путь, по которому вы идете сегодня, мы намерены пройти завтра».

Автор письма, воин китайской Народно-освободительной армии Хуайбей Илахунов, сообщает далее, что ему особенно близки, понятны дела и чувства тов. Уктамджана, который, вернувшись с войны, горячо принялся за работу в родном колхозе, потому что он, Илахунов, и его товарищи также демобилизируются сейчас из армии и горят желанием включиться в строительство новой жизни.

Несмотря на подробный и точный адрес, почтальон не смог доставить это письмо. Дело в том, что председатель колхоза Уктамджан является литературным героем романа Айбека «Ветер Золотой долины». А впрочем, почтальон мог бы передать письмо в любой узбекский колхоз, где живет колхозник, трудящийся помысли и чувства которых писатель запечатлел в образе своего литературного героя.

Почта доставила письмо Айбеку. И он написал ответ китайскому герою.

«Дорогой тов. Илахунов. Я с большим волнением прочел ваше письмо, посланное на имя героя моего произведения «Ветер Золотой долины» Уктамджана. Это обращение к нему я воспринимаю, как искреннее выражение вами любви к советским людям, моих соотечественникам, явившимся прототипом Уктамджана. В действительности этого человека нет, но таких, как он, в наших колхозах сотни тысяч».

Все писатели нашей страны стремятся к тому, чтобы их произведения вдохновляли широкие массы народа на трудовые подвиги, воспитывали их мужественными, стойкими, не боящимися никаких трудностей. Поэтому ваши слова о том, что пример Уктамджана вдохновил вас и ваших товарищей, прочитавших книгу, на новые героические подвиги в борьбе за выполнение первого пятилетнего плана нашей республики, — для меня, автора романа, самая высокая похвала. Мы, граждане Союза ССР, и граждане народного Китая, живем одним интересом. Своим пожеланием изо дня в день крепить дружбу между нашими великими народами вы, уважаемый тов. Илахунов, выразили сокровенные думы и советских людей. От всей души желаю вам успехов в вашей работе. Айбек».

Сильная дружба не словом, а чистой сердца и щедростью разума, говорят узбеки. Письмо из Синьцзяна к герою узбекского романа — это волнующий рассказ о крепнущей глубокой и многосторонней дружбе людей чистого сердца и щедрого разума.

ТАШКЕНТ. (Наш корр.)

По всей стране

* Большой зал Политехнического музея Москвы, по установившейся традиции, стал местом литературных диспутов и встреч. В дни подготовки ко Второму съезду писателей здесь проводятся лекции, посвященные развитию советской литературы, встречи с писателями. Во вторник с творческим отчетом перед читателями выступила группа московских литераторов. С интересом слушали собравшиеся отрывок из воспоминаний В. Каверина, посвященный его первой встрече с М. Горьким. Стихи разных лет читали В. Луговской и Л. Тушнова. А Чаковский поделился своими впечатлениями о поездке во Францию. С докладом на вечере выступила Т. Трифонова.

* Семинар для 230 библиотекарей Ростова, Таганрога, Новочеркасска и некоторых сельских районов состоялся в Ростове. Его участниками обсуждали вопросы, связанные с подготовкой ко Второму съезду писателей. В октябре состоится встреча библиотекарей с писателями, а также конференция читателей областного альманаха «Дон». Организованы книжные выставки, готовятся литературные вечера, встречи читателей с писателями.

* На Таймырском полуострове возник в наши дни новый город Норильск. И здесь, в Заполярье, предстоящий Второй съезд писателей вызывает большой интерес у читателей. Еще в сентябре редакция местной газеты «Заполярья правды» опубликовала просьбу к норильчанам — прислать в редакцию отзывы, замечания и пожелания о книгах советских писателей. Уже начали поступать письма. Пишут рабочие, служащие, студенты, школьники. Пишут о воспитательном и познавательном значении хорошей книги, о том, что мало исторических и научно-фантастических романов, что пора написать выдумку, крупное произведение, сопровождающее их биографией и портретом автора. Наиболее интересные письма публикуются в газете.

* Литературные вечера с участием писателей Кострома состоялись в Буге, Галиче, Шарье и Перехте. За последние время созданы новые литературные кружки в Шарье, Галиче и Буге. Произведения начинающих печатаются в районных газетах, лучшие вещи отобраны в альманахи и для литературных страниц областских газет.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 126 (3310)

Четверг, 21 октября 1954 г.

Цена 40 коп.

Ф. ВИГДОРОВА

В единой школьной семье

«ДАВАЙ СЯДЕМ ВМЕСТЕ!»

Совместное обучение — кого только не задевает за живое это волнующий вопрос! О совместном обучении минушим летом говорили в трамваях, в поездах, а нем спорили взрослые и дети, это понятие касалось всех и каждого.

— Это прекрасно, это очень правильно, что они опять будут учиться вместе! — говорил в вагоне дальнего поезда молодой человек в очках, аккуратно складывая только что дочитанную газету.

Женщина, сидевшая рядом, опустила вазанье, юнша, стоявший у окна, закрыл книжку, и через минуту уже все наперебой толковали о том, что вопрос решен жизненно важным: «В семье вместе, в институте, на работе — вместе, а в школе были порознь — и для чего это?»

— Ах, — вздохнула девочка лет девяти, до сих пор глядевшая в окно на подмосковные поля и перелески, — вот если бы в нашем новом классе напелась хоть один такой мальчик, как Егор!

В голосе ее прозвучало такое неподдельное восхищение, что все поспешили заинтересоваться неизвестным Егором и его высокими достоинствами.

— Чем же он так хорош, Егор? — спросил человек в очках, первым затеявший эту беседу.

Но, видно, не всегда легко объяснить, в чем заключается секрет человеческого обаяния. Мы только и узнали, что талантливый Егор «никогда не задирается и ничего о себе не воображает». Судя по всему, эта девочка не знала больше ни одного «не задирающегося» Егора. Все мальчики представлялись ей драчунами.

Опасения эти разделяли и некоторые родители. На родительских собраниях, которые проходили на московских школах весной, выступило шесть тысяч человек. Из них только 230 были против совместного обучения — и почти все эти 230 были мамы и папы девочек. Им, как и их дочкам, казалось, что мальчики принесут в школу дух драки и разрушения.

Что до мальчиков, то я слышала, как один ученик девятого класса сказал мимоходом: «Десятые классы счастливы! — Это должно было означать, что он презирает девчонок и завидует тем, кто не будет с ними учиться. Но, должна сказать, слова эти прозвучали диаметрально противоположным образом. При этом сразу можно было различить, кто хозяйник школы, а кто пришел сюда впервые: хозяйки были веселы и непринужденны, «сестри» хмурились — не так просто после семи или восьми лет обучения в новой школе, привыкать к новым товарищам, заводиться новым друзьям».

И вот наступило первое сентября. Москвичи помнят, какое славное было в этот день солнце, какой шум и гам наполнил школьные дворы. Мальчики и девочки постарше дружили и подглядывали друг на друга исподлобья. Мальчики делали вид, что им все безразлично, девочки шумели больше обыкновенного. При этом сразу можно было различить, кто хозяйник школы, а кто пришел сюда впервые: хозяйки были веселы и непринужденны, «сестри» хмурились — не так просто после семи или восьми лет обучения в новой школе, привыкать к новым товарищам, заводиться новым друзьям».

И только среди малышей царил полное согласие и доверие. Они держались за ручки, а женоподобные Юра из-под козырька форменной фуражки поглядывал на гудоблазную девочку и через две минуты предлагал:

— Давай сидем вместе!

Потом прозвенел звонок, и двери школы открылись. А потом наступил день второй. И третий. И вот уже миновал сентябрь, на исходе октября. Почти два месяца учатся вместе мальчики и девочки. Что же показали эти месяцы?

Общее дело, общие радости

«Только без девочек...»

В 182-й школе среди старшеклассников в первые дни сентября была проведена анкета: ребята спрашивали, что нового и интересного, по их мнению, должно быть в этом году в школе. Предложения и пожелания посылались в ответ самые разные.

«Я хочу, чтобы каждую перемену играли какой-нибудь веселая музыка», — написал кто-то. Едва ли это выполнимо, но есть в этом желании что-то милое и неисключительно-жизнерадостное.

«Я хочу, чтобы у всех у нас было много общих дел и чтобы все мы отвечали за школу по-настоящему. В школе, где я учился прежде, нам не доверяли ни в чем. Даже из класса в перемену выгонял учитель, как будто дежурные сами не справятся», — вот это очень важно, здесь — зерно того, что объединит всех этих мальчиков и девочек, принесших из разных школ, в единый коллектив: любовь к своей школе, общая ответственность за нее и общие дела.

«Я предлагаю провести по классам диспут на тему: дружба и товарищество. Только без девочек, с ними никакого откровенного разговора не получится».

Это пишет десятиклассник. Девять лет раздельного обучения причинило этому юноше недоверие к девочкам, но он не делает в присутствии девочек никаких выводов, потому что одинаково волнует и мальчиков и девочек.

Ученикам 618-й школы анкеты не предлагали, но они, в сущности, ответили на вопрос так же, как десятиклассник из 182-й школы.

Старшеклассникам 618-й школы сообщали, что предстоит доклад о дружбе и товариществе. Все были заинтересованы, все собирались прийти послушать. И вот назначенный день настал. Докладница поднялась на трибуну и увидела перед собой сто девочек и... ни одного мальчика. На лице ее так явно выразилось недоумение, что девочки наперебой начали объяснять, почему они тут одни. Оказалось, в последнюю минуту все мальчики галопом просе-

лись по лестнице вниз, на улицу, и удержали их не было никакой возможности.

— Они стесняются! Они еще не привыкли! — неслось из зала.

Варуг отворила дверь и вошла... два мальчика. Этим отчаянным смельчакам встретились смехом, но путь к отсутствию был отрезан, и они, багровые и ни на кого не глядя, устремились на первые попавшиеся свободные места. Итак, только двое решились явиться на доклад, которого так ждали в школе. Остальные попросту испугались. Чего? Разговора на такую простую, важную и близкую тему?

«РАЗВЕ ЭТО ХОРОШО!»

Это был не доклад, а беседа, простой и сердечный разговор, который так редко удается людям, выступающим с этой темой перед молодежью.

— Это скверно, — сказала докладчица, — что вы привыкли все делать порознь и держите себя обособленно — девочки отдельно, мальчики отдельно. Представьте себе, что получилось бы, если бы так рассуждали молодотрагедии. Если бы Уля Громова, к примеру, говорила, что не хочет идти на задание с мальчиками! А Сергей Тевлин отказался бы действовать вместе с Любовью Шенюковой!

— Но ведь они учились в совместной школе, им и в голову не пришло бы сказать такое! — произнесла моя соседка — восьмиклассница с внимательными синими глазами. И она была права. Сто девочка и два мальчика на беседе, которая жива и полна, и тех и других, — эта пропорция могла возникнуть только после десяти лет раздельного обучения.

А когда докладчица кончила, посыпались вопросы. Было видно: всех девочек возмущала судьба школы. Они спрашивали, как сплотить коллектив, созданный из частей коллективов нескольких школ? Какие общие дела посоветует им докладчица?

По вместе с этими вопросами хлынул и поток других, видимо, не менее важных и насущных для тех, кто их задавал: «Может ли в нашем возрасте возникнуть любовь на всю жизнь?», «Как поступить, если мама против дружбы с мальчиком, как убедить ее, что в такой дружбе нет ничего плохого?»

И не только маму порой приходится убеждать в том, что в дружбе с мальчиком нет ничего худого. Это, в сущности, приходится напоминать и некоторым учителям и руководителям школ.

В 636-й школе учительница поймала мальчугана, который озорничал в перемену, и громко выговорила ему.

— Если будешь безобразничать, я тебя с девочкой посажу! — крикнула она ему под кофет.

И от этой странной угрозы на глазах у всех зашевелилось здание совместного обучения и едва устояло, да и то не с помощью педагога, а с помощью самого мальчика:

— Ну и что ж такого! — ответил он. — И скажите, я и сам хочу!

А бывает и так, что одним неосторожным словом разрушается внутренний мир подростка: «Маль еще с мальчиками гулять», «Ты почему уроков не учишь, не влюбился ли?», «Ты с кем была в кино? Только, пожалуйста, не ври, что с братом», — все эти вопросы и крики не выдуманы мною, они звучали в стенах школы, — я сразу разрушил доверие к учителю и рождальное неуважение, недоверие, скрытность. Мало того: такие слова прививали и подросткам халатские, мещанские взгляды, узкое и нищее представление об отношениях, которые существуют между людьми.

Да, споры нет, сейчас перед учителем встало много трудных, нерешенных вопросов. Ему надо было знакомиться со своим классом, — только несколько знакомых лиц перед ним, остальные его ученики пришли из разных школ. А те, на кого было положено так много душевных сил и труда, ушли в другую школу. Надо заново создать коллектив, надо привить любовь к новой школе, которая должна отныне стать твоей. Все это не просто и требует не дня, не месяца. Но, помимо всех этих вопросов, есть еще один, о котором нельзя забыть: после десятилетнего перерыва наша школа вновь стала совместной, и тут есть много такого, к чему должен внимательно прислушаться зоркий учительский глаз, что потребует от учителя чуткости, душевного такта и проникновенного знания тех, кто ему доверен.

Передо мной письмо:

«Разве это хорошо, скажите мне. Я сижу на одной парте с Витой В., а наша классная руководительница каждый урок назначает со слов: — Вас надо рассадить. Разве это хорошо — так говорить?»

Нет, нехорошо так говорить. Нельзя учителю забывать свою собственную юность, когда и он был узким, впечатлительным и чуждым к каждому несправедливому слову.

Чрезвычайно и очень хорошо, что в нашей школе восстановлено совместное обучение. И первые полтора месяца показывали: по-новому, хорошо и интересно записана школьная жизнь. Но именно сейчас, в самом начале, надо помнить, что же мешает прекращению дел совместного обучения и воспитания, надо внимательно вслушаться в бичение школьного пульса — нет ли перебоев? Нет ли стороннего, фальшивого звука? И в самом начале устранить все, что мешает создать здоровый коллектив, где мальчики и девочки — это друзья и товарищи, единая школьная семья.

Международные отклики

ЗА ФАСАДОМ ПАРИЖСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ...

Жители парижского пригорода Сель-Сен-Клу были позавчера свидетелями такого зрелища: французский премьер Менделеев и боннский канцлер Аденауэр мирно прогуливались по местному парку. Засим последовал обед в честь западно-германской делегации, прибывшей во французскую столицу для переговоров с западными державами. Аденауэр сопровождается его ближайшими советниками — Хальштейн, Бланкенхорн и «уполномоченный по вопросам безопасности», иначе говоря, фактический военный министр боннского правительства Бланк.

Переговоры Менделеев-Франса с Аденауэром открыли «большую дипломатическую неделю», которая, по словам правой печати, началась в Париже. Вчера собралось очередное совещание представителей трех западных держав и Западной Германии, сегодня открывается совещание девяти стран, принимавших участие в выработке лондонских соглашений, а завтра начинается сессия совета Северо-атлантического союза. Первым пунктом повестки этой «большой недели» не случайно намечены франко-боннские переговоры. Между партнерами идет ожесточенный торг, от исхода которого, по словам западной печати, во многом зависит участь лондонских соглашений о перевооружении Западной Германии.

Французская буржуазная печать предпочитает окучивать туманом и программой и характер этих переговоров. Американская пресса несравненно откровенней. «Нью-Йорк таймс» сообщает, что «если французский премьер не хочет заключить разумное соглашение относительно Саара, немцы Западной Германии при поддержке государственного секретаря Даллеса откажутся пойти на какие-либо уступки». Именно признание этого соотношения сил, — добавляет боннский корреспондент газеты, — и дает правительству Западной Германии основание быть оптимистичным». Таким образом, Саарская область открыто рассматривается на парижских переговорах как объект купли-продажи.

После лондонского совещания в известных французских кругах стало модным говорить о «франко-германской дружбе», которая будто бы расцветет в рамках брюссельского договора. О цене этой «дружбы» для Франции по понятным причинам, однако, умалчивают. И недаром правая парижская газета «Фигаро» назвала голосование в Национальном собрании, когда было выражено доверие Менделеев-Франсу, «своего рода покорностью судьбе», словно много пути, кроме политики «покорности судьбе», то есть наглым требованием германских милитаристов и реваншистов, для Франции нет.

Но это старые доводы в защиту старой, обанкротившейся уже однажды политики, которую хотят возродить снова. Разве «франко-германская дружба» в рамках замкнутой военной группировки не означает в первую очередь возрождение германского милитаризма — злейшего врага Франции?

Кстати, то, о чем не сказала «Фигаро», договорила «Нью-Йорк таймс». Она без обиняков заявила, что брюссельский договор «считают прежде всего прикрытием, имеющим целью сделать вооружение Западной Германии менее неприятным для французов». По данным газеты, финансирование западногерманской армии в ближайшее время обойдется дороже, чем расходы на весь гитлеровский вермахт в 1939 году. Новый вермахт собираются вооружить больше и лучше. Через 48 часов после окончания лондонского совещания американское агентство Ассошиэтед Пресс сообщило о подготовке к введению в действие закона о военной помощи в Западной Германии.

Во время же как некоторые парижские газеты пытаются успокоить французское общественное мнение фальшивой болтовней о «гарантиях» и облегчить таким образом проведение переговоров с Аденауэром, по ту сторону Рейна усиливаются военные приготовления. Западногерманское агентство ДПА сообщает о широкой вербовке рекрутов в будущий вермахт; планируется постройка сотен новых казарм, полигонов, военных объектов всякого рода. «Для каждого гарнизона должен быть устроен небольшой учебный плац», — передает агентство. Господа из Бонна с нескрываемой радостью ждут той минуты, когда «гусиный шаг» снова будет громко звучать в западногерманских городах.

Адольф Хойзингер, один из видных гитлеровских генералов, который играет руководящую роль в боннском военном ведомстве, заявил на днях, что Западные Германия якобы не будет иметь «большого генерального штаба», но... будет иметь корпус офицеров генерального штаба. Различия между этими двумя институтами, судя по всему, не видны и сам Хойзингер. Боннская реакционная печать, работая по плану, чинит препятствия, и ведомство Бонна скорее согласится оставить вакантные места, чем назначить «лиц, не подходящих к данным должностям», то есть не отвечающих чаяниям крайних реваншистов и милитаристов. А сам Теодор Бланк с одобрением отозвался о предложениях в Лондоне планах военных мероприятий, выгодных для германских милитаристов. Понятно, что их устраивает «дружба» на таких основаниях!

В памяти французского народа еще свежи события мрачных лет, когда «покорность судьбе» со стороны реакционных политиков привела к национальной катастрофе. Сегодня трудовая Франция многочисленными манифестациями протеста против политики возрождения германского милитаризма показывает, что она никогда не покорится этому антинациональному курсу. И даже само голосование в Национальном собрании, как и итоги съезда партии радикалов и радикал-социалистов, говорят о том, что ныне не так-то легко проводить политику «покорности». Сейчас, в дни переговоров, которые представляют западным державам в Париже, это особенно сильно бросается в глаза. Не повторилась ли «Фигаро» заговорить о «покорности»? ЛИТЕРАТОР

НОВЫЕ ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ Творческое наследие А. И. Герцена

В Издательстве Академии наук СССР вышел из печати первый том собрания сочинений великого русского революционного демократа, писателя и мыслителя А. И. Герцена. Издание осуществляется Институтом мировой литературы имени А. М. Горького по поручению президиума Академии наук СССР.

Новое собрание сочинений Герцена является первым научным изданием литературного и эпистолярного наследия писателя. По сравнению с предшествовавшими изданиями, в том числе monumentalным 22-томным собранием сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке, новое издание будет наиболее полным. Рассчитанное на 30 томов, оно включает в себя все напечатанное к настоящему времени произведения и письма Герцена, как законченные писателем, так и сохранившиеся в отрывках или черновых набросках. Издание призвано установить подлинно научный текст произведений великого писателя на основе рукописей, прижизненных публикаций, указаний самого Герцена и других материалов. В тексте произведений будут восстановлены по сохранившимся материалам места, исключенные цензурой или самим писателем в силу цензурных условий, а также места, переламанные редакторами без согласия автора.

Произведения печатаются в хронологическом порядке, письма Герцена выделяются в особые тома (начиная с XXI) и также располагаются в хронологическом последовательности. Каждый том издания включает в себя научный комментарий к публикуемым текстам и указатель имен и библиографические названия. Общее руководство изданием осуществляет редакционная коллегия во главе с академиком В. П. Волгинам.

В первый том входят произведения Герцена 1829—1841 гг. (редактор тома С. А. Макашин). Содержание тома воссоздает яркую картину идейно-политического, философского и художественного развития молодого Герцена. Среди печатаемых в томе произведений — статья «Голубин» известная автобиографическая повесть «Записки одного молодого человека», ранние философские работы Герцена («О месте человека в природе» и др.), беллетристические опыты 30-х годов («Легенда», «Первая встреча», «Вторая встреча», «Елена» и др.), отдельные наброски и отрывки. В «Приложениях» помещены студенческие переводы и рефераты, материалы, связанные со служебной деятельностью Герцена в Бятке и Владимире, а также «Записки» архитектора А. Л. Витбергера, создававшегося при участии Герцена.

Некоторые произведения Герцена, включенные в первый том издания, впервые печатаются в собрании сочинений писателя: первый очерк «Письмо из провинции», статья «Русские крестьяне Вятской губернии», заметка «В прошлых листах «Приблудный...» и др. Первый раз публикуется набросок «Несколько слов о лекции г-на Морозкина...». В то же время в собрание сочинений не вошли ранее ошибочно приписывавшиеся Герцену произведения («Святая невеста», «Толпа» и некоторые другие). Работа над томом позволила пересмотреть и уточнить даты и названия ряда статей Герцена.

Большой исследовательский интерес представляют различные ранние редакций и приведенные в том важнейшие зачеркнутые места рукописей, ярко показывающие работу великого писателя над своими произведениями. В томе публикуется справка об утраченных произведениях Герцена 1830-х годов.

В текущем году должны выйти из печати также второй и третий тома, в которых будут представлены дневник, публицистические и философские произведения Герцена 40-х годов. В дальнейшем предполагается издание четырех томов ежегодного.

Новое издание сочинений великого русского писателя — революционного демократа будет встречено широкими кругами советских читателей как значительное событие в культурной жизни нашей страны.

Ефим ДОРОВ

Это случилось каждый раз, когда в эфире и душе часы, набежавшая плущий шпешечным полем комбайн или же прислушиваясь к стрекочущим звукам, которые доносились со стороны лугов, где работала тракторная севопосадка, я встречал вдруг согнувшихся над грядками женщин. Медленно, не разгибаясь, брели они между гряд, и только руки их, проворно мелькавшие среди кустов помидоров или плетей гороха, выдавали поспешность, с какой они работали.

Мне вспоминались вдруг Евгений Михайлович Сорокин и Александр Сергеевич Моисеев, которых я и в глаза не видел. Я вспоминал фамилии начальника управления капитального строительства и начальника технического управления Министерства автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР и в тех случаях, когда видел заросшее сорняками поле, когда видел уборщицу, трещающую, покрытую серыми губами помидора или же переспелые, желтые и разбухшие огурцы.

Оповещают нужны машины! Нужны для того, чтобы труд их не был тяжелее труда тех колхозников, которые производят хлеб. Нужны для того, чтобы в изобилии давать стране овещи, какие произрастают на нашей земле.

Однако могут спросить, почему с этими мыслями своими я не обратился к тем конструкторам, которым партия и правительство поручили благородное дело механизации овец, почему в памяти моей возникли имена двух ответственных работников министерства?

Вот уже год, как неподалеку от Москвы, в Ивантеевке, существует Государственное специальное конструкторское бюро по овцеводству. Это чуть ли не единственный в стране центр, в котором сосредоточено конструкторское предприятие, производящее, по своим и оборонным машинам для овец открытого и закрытого грунта. Казалось бы, именно к этому бюро и следует звывать, когда речь идет о руках, занятых тяжелой и непросто выполнимой работой.

То товарищи, работающие в бюро, отлично знают, как необходимы овцеводам машины. Они уже сконструировали около двадцати различных машин, механизмов и приспособлений, которые, посылку возможно, сократят затраты физического труда. Созданы машины для выделывания семян из арбузов, дынь и тыкв, — одна из них, к слову сказать, действует с помощью сжатого воздуха, благодаря чему дыня или тыква после удаления семян остается пригодной для употребления в пищу. Изобретена целая система приспособлений и аппаратов для так называемого парникового комбайна, — здесь и культиватор, и выравниватель грунта, и лункоделатель, и механизмы для засыпки земли, для посева семян. Наконец, придуманы различные типы косяков для зеленого горошка, сортировка и сеялка для лука-севка, уборочные машины, которые избавят колхозник от необходимости гнуть спину над востами помидоров.

Иные из этих машин еще только изготавливаются их авторами, другие уже испытаны в различных овцеводческих районах страны и сейчас конструкторы совершенствуют их, третью, совсем готовую, после государственных испытаний будут сдать в массовое производство.

Не будучи специалистом, я не берусь судить, насколько хороши машины, сконструированные в Ивантеевке. По этой же причине мне трудно сказать, много или мало сделали конструкторы за то время, что существует бюро.

Но об этом, повторяю, пусть судят специалисты.

Мне же, когда я представляю себе какой-нибудь овцеводческий район, где через несколько месяцев тысячи женщин

выйдут с вилами и топатами опатить и набить парши. — Мне же хочется сказать о тех условиях, в которых работают люди, придумавшие, скажем, самоходный универсальный лоугручик для очистки и наливки парников.

Когда в Ивантеевке создавалось конструкторское бюро, были отпущены достаточные средства для проектирования и строительства рабочих корпусов, лабораторий, жилых домов, поселковой дороги, водопровода... Как это принято в нашей стране, правительство предусмотрело все необходимое, чтобы коллектив творческих работников, поселившийся по соседству с маленьким подмосковным городом, мог нормально работать и не терпеть никаких неудобств.

И вот теперь, спустя почти год, уже поспел, вероятно, лук, посаженный сеялкой, которая была задумана и построена в тот самый промежуток времени, в который было построено дом для авторов этой сеялки. Но когда знакомимся с тем, что сделано сегодня ивантеевскими конструкторами машин для овец, с горечью думаешь о том, насколько отстают от них проектировщики и строители.

Печальное зрелище законсервированной стройки являет собою тот участок земли, где должны бы уже возвышаться корпуса лабораторий и жилых зданий. Несколько временного типа построек с самодельным, похищаемым дымком калориферным отоплением, несколько деревянных домиков на разрытой, ухабистой усадке, незаконченные двухэтажные дома без печей, штабеля каменных брусков и досок, которые при ближайшем рассмотрении оказываются деталями сборных домов, да начала и очень медленно подвигающаяся дорога, — вот как выглядит сегодня то, что именуется Государственным специальным конструкторским бюро по овцеводству.

Справедливости ради надо сказать, что проектировщики на три четверти выполнили проект, а вот строители, поначалу рьяно взявшиеся за дело, почти прекратили работу, — разве что постукивает где-нибудь топориком одинокий старик да малюль лениво водит кистью. Еще в мае были увезены отсюда все механизмы, перестали поступать строительные материалы, прекратилось проектирование.

Конструкторы и их семьи живут в не благоустроенных домах. Многие из них, работая в Ивантеевке, продолжают жить в Москве, снимают углы и комнаты в окрестных селах и дачных поселках. Есть семьи, где муж живет в одном месте, жена — в другом, а ребенок — в третьем, у бабушки. Один из конструкторов, оставивший на Урале квартиру и переселившийся в Ивантеевку, чтобы заниматься увеличением его делом механизации овцеводства, недавно был выслесен с дачи, которую он снимал, и теперь живет в служебном помещении, отнимаемая и без того тесная площадь, необходимая для работы.

И тут хочется задать несколько вопросов Евгению Михайловичу Сорокину и Александру Сергеевичу Моисееву, которые по занимаемым должностям отвечают за названное строительство. Хочется спросить их: знают ли они, с каким напряжением молодые и старые женские руки, весной и осенью, в дождь и холод, — как эти руки выращивают овощи? И еще хочется спросить Евгения Михайловича и Александра Сергеевича: задумывались ли они над тем, во что обходится при ручном труде каждая килограмма овец? Наконец, считают ли они, что овцеводам нужны машины, и если это так, то почему не выполняют указаний о строительстве в Ивантеевке конструкторского бюро?

Ответ на эти вопросы хотели бы получить и те конструкторы, у которых нет ни жилья, ни лабораторий, и те женщины, которые выходят сегодня в поле вранью рубить валусть или копать морковь.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖИВАЯ КАРТА

— Поезд подходит в станции Саксауская, — раздался голос из вагонного динамика. — Стоянка десять минут... Никто не взглянул в окно, ничье внимание не привлекла однообразная панорама.

— За эту станцию, — вдруг заговорил негромко пожелтой матрос, — я воевал в гражданской войне. Подле Аральска стояли передовые части белоказаков. А в Аральске засели мы — красные. Силы наши истощались, патроны кончились, ну и решили пойти на рискованную вылазку. Ночью из Аральского порта вылезло пароход «Туркестанец», вооруженный пушкортпортир. В расвету мы обогнули мыс и увидели на берегу эшелоны бежавших. Первый же наш снаряд попал в цель. У бежавших — паника. А наши из Аральска — в атаку. Так отстояли город.

Матрос, оказался, уже много лет ходит на теплоходе «Адмирал Макаров» (был «Туркестанец»). Он рассказал о капризном и буйном нраве огромного соленого озера — Аральского моря, о смелых людях, что воят через это море баржи с сибирским лесом и хлопком Кара-Калпаки. Пассажирам было жалко, что матрос выходит на станции Аральск, — так незаметно прошло время.

Ночью думалось мне, что о небольшом городке Аральске, с его прижавшимися к земле саманными домиками, со свирепыми несущимися бурями, с видом на плоское темное море и залернутое пеленой пыли небо, можно рассказать много и не менее увлекательно, чем говорил наш попутчик. Многие ли знают у нас имя отважного и честного человека, имя русского моряка и путешественника Алексея Ивановича Бутакова? Более ста лет назад предпринял он первое научное плавание по Аральскому морю. В свою экспедицию ученый моряк дерзнул взять в качестве живности Тараса Шевченко, сосланного в Казахстан с запрещением писать и рисовать.

Как возмущают законные и не законные строки дневников Бутакова (они изданы недавно Узбекской Академией наук), описывающие трудности двухлетнего плавания, уселенные поиски месторождений нефти и каменного угля, забастовку русского ученого о судьбах нищих казахских кочевников, скитавшихся вдоль низких берегов Арала. А вспомнить, какая пророческая вера в будущее казахской степи звучит в произведениях Шевченко. «...замечательно, — говорит он в «Близнецах», — что все это пространство усыпано кварцем. Отчего никому в голову не придет на берегах этих рек искать золота? Может быть, и в киргизской степи возник бы новый Санто-Франциско. Почему жать?»

Новые города выросли там, где бывала некогда степь Украины. О начале их возникновения, о советских людях, энтузиастах освоения края, вдохновенно писал Юлиус Фучик, посетивший Казахстан в дни первой пятилетки. А сколько можно сказать сегодня об Актобинском заводе ферросплавов или совсем молодом городе горняков Хром-Тау, о зна-

менитых казахских земледельцах — провозе Чагане Берсене и рисоводе Ибрае Жахаеве! Как убедителен для молодежи, выбирающей жизненный путь, пример ученых-лесоводов, посещающих пустыню в песках Большие Баруки... Доброй слава — настоящая, пропавшая, будущая — стоит за каждой малой или средней станцией железной дороги.

Все дальше на юг идет поезд Москва — Алма-Ата, и новыми красками загоралась живая карта, раскинувшаяся вокруг железнодорожных путей.

Об увлекательных и важных вещах забываем мы часто в поезде — за анекдотами, за бесконечной порой в «подкидного дурака». Хрипавший вагонный динамик выведет нас порой из временного забытия, и в десятый раз за дорогу возникнет голоса Таранушки и Штеселки.

А разве нельзя из вагонного радиоузда рассказать о местах, по которым движется поезд, о людях, которыми они славятся и славется? Не нужно, конечно, рассказывать всего. Это будет скучно и утомительно. Пусть услышит пассажир яркий эпизод, который зажжет его интерес к мелькающей за окном землей.

Средств на составление таких текстов понадобится немного, — тексты существуют. Почему не взять для участка дороги Кандагач — Гурьев, скажем, главу «Полководцев» из повести К. Г. Паустовского «Кара-Бугаз», где рассказано об инженер-строителе Давидове? О том же заповеднике Ак-су Джебага можно сказать словами казахстанского писателя-натуралиста М. Д. Зверева; в той же актобинской степи вспомнить очерки Юлиуса Фучика. А интересные материалы местной печати — областных и дорожных газет?!

Несколько лет назад «Литературная газета» сообщила о ценном начинании проводников на одной из южных дорог европейской части страны. Проводники эти устраивали с пассажирами беседы о местах, по которым идет состав. Очень нужное дело! Но оно почему-то не получило поддержки на других дорогах.

Конечно, диктор путевого радиоузда или проводник далеко не всегда смогут справиться даже с готовым текстом беседы экономического, исторического или природоохранного содержания. И тут возникает разговор о необходимости издания путеводителей, или своего рода железнодорожных урестоманий, о занятии на пленку познавательных бесед для пассажиров.

Разговор этот не нов. Он велся уже в некоторых учреждениях, в том числе и в Министерстве путей сообщения. Энтузиасты очень действительного способа пропаганды знаний о родном крае неизбежно получали отпор.

Воспитание патриотизма, говорил М. И. Калинин, «...начинается с углубленного познания своей родины». Простой железнодорожный путь мог бы хорошо послужить этому огромному делу.

А. РОЗАНОВ

ФЕЛЬЕТОН ШАРМАНКА

Художник Герман Васильевич Ефремов был приглашен на еще одно заседание, чтобы продемонстрировать и отстоять свою систему портативных декораций. Из-за олошности какого-то канцеляриста или по чьему-то злому умыслу телеграмма, вызывавшая Ефремова из гор. Сталино в гор. Киев, была послана лишь накануне дня заседания. Художник, однако, не растерялся: взяв билет на самолет, он прибыл в Киев и явился на заседание в тот самый момент, когда комиссия театрально-декорационного искусства Союза советских художников Украины закончила обсуждение предыдущего вопроса.

— Вот как приблизительно выглядит это на сцене, — сказал Герман Васильевич и начал доставать из ящика миниатюрные, обтянутые разноцветной материей рамочки, фанерные дощечки и прочие детали макета. Всех деталей было немного — десятка три, но какое множество разнообразных картин проходило перед глазами художников!

Предложенная Ефремовым система позволяет значительно удешевить и улучшить оформление спектаклей, которые играют на небольшой клубной сцене. Весь набор деталей, из которых можно составить до ста вариантов различных декораций, обходится всего лишь в \$23 рубля 15 копеек. Готовый набор деталей занимает пространство не более кухонного стола. Декорации легки и удобны в работе. Они позволяют все оформление спектакля подготовить за несколько минут, а дальнейшая смена декораций происходит почти мгновенно.

— Если бы это можно было осуществить на сцене! — со вздохом заметил председатель комиссии художник П. Духовский. — Но это невозможно.

У служителей Мельпомены не было, как у голубогого Вия, тяжелых век, которые мешали бы им видеть, и все-таки некоторые из них твердили, что они не видят, не понимают и не верят.

Комиссия вынесла соломоново решение: система портативных декораций Г. Ефремова для клубов и дворцов культуры полезна и интересна, но рекомендовать ее для широкого распространения нельзя, так как декорации промокнут (!), а технология установки их не разработана.

— Так помогите мне! — сказал Ефремов. — Дайте возможность изготовить декорации хотя бы в одном клубе или театре, и вы убедитесь, что я прав.

Художник никто не ответил. Он обратился с письмом к министру культуры Украинской ССР тов. К. Литвиню. Министр направил художника к работнику управления по делам искусств Е. Пономаренко. Тот, недолго думая, отослал его к одному из своих подчиненных. Бюрократическое колесо завертелось...

— А не поехать ли вам в село? — посоветовала Ефремову одна добрая душа. — Может быть, там скорее оценят ваше предложение?

Через несколько дней Герман Васильевич сидел в колхозной хате в селе Липовка, под Киевом. Председатель колхоза Сергей Иванович Позинич, человек, чуткий ко всему новому, выслушал историю мятарств художника и поглядев с членами правления колхоза макет декораций, сказал вздумлено: — Какую красоту человек для народа придумал! А его не поддерживают. Закажем-ка для нашего клуба такую декорацию.

В вот через месяц в районном центре — селе Макаров был устроен общественный просмотр декораций.

Открылся занавес, и присутствовавшие во Дворце культуры увидели чарующий

украинский пейзаж: лес, река, беленые хаты... Занавес сомкнулся, а когда минуты через две снова раскрылся, на сцене красовался тот же лес, струилась река, но в пейзаже появились и много нового: здания колхозных ферм, электростанция, просторные жилые дома... В «антрактах» со сцены не слышно было привычного стука молотка, занавес закрывался всего на две-три минуты, а затем перед глазами зрителей появлялись все новые и новые картины: берег моря, панна, золотое шпешечное поле...

Зрители были в восторге. Спустя несколько дней декорации системы Г. Ефремова предстали взором более строгих и более искусственных ценителей — работников Министерства культуры, представителей Украинского театрального общества, режиссеров и художников. П. тут, на обсуждении в Доме ученых, они были удостоены горячего одобрения.

— Творческие искания товарища Ефремова, — говорил заведующий постановочной частью Киевского театра оперы и балета М. Ратимов, — вносят свежую струю в работу театральных художников. — Ефремов добился значительного успеха в создании портативного сценического оформления.

К этому мнению присоединились и главный режиссер Харьковской драматической труппы имени Шевченко Б. Норд, и художник Республиканского театра юного зрителя Л. Нисаренко, и уже знакомый нам главный художник Киевского государственного драматического театра имени Леси Украинки Н. Духовский, и другие товарищи.

В Донбассе Герман Васильевич возвратился, окрыленный радужными надеждами. Но дни надежд вскоре сменились днями печали и воздыхания: для руководителя театрального дела на Украине двух общественных просмотров портативных декораций Г. Ефремова, двух выступлений республиканской газеты «Радянське мистецтво» в защиту его изобретения оказалось мало — художник не получил никакой поддержки. Министерство ничего не сделало для распространения системы Ефремова и после того, как эти декорации уже опробовали себя на практике: в Краматорском дворце культуры имени Ленина и Старо-Бешевском районном доме культуры.

За год с лишним дело о портативных декорациях, сулящих немалые выгоды для развития театральной техники, не продвинулось вперед ни на шаг, а переписка по поводу них за это время до того запуталась, что если неисконный человек станет сегодня судить об этих декорациях по бумагам, то, пожалуй, не поймет ровно ничего. Вот как можно затуманить и похоронить ясное, нужное начинание!

А при чем же, спрашивается, слово «шарманка», которым озаглавлен этот фельетон?

Когда-то, в дни смутных надежд, художник Ефремов проходил по селам Липовка и Макаров, неся подмышкой ящик с набором деталей портативных декораций. На одной стороне ящика в прямоугольном прозоре виднелся зеленый бархат миниатюрного занавеса, а с другой — торчала маленькая изогнутая ручка, при помощи которой этот занавес подымался.

— Дядь, покрутите ручку, сыграйте, — кричали маленькие озорники, прыгая на одной ножке.

Ребята думали, что это шарманка. Они ошиблись. Шарманку крутили и продолжают крутить другие «дяди», те, что вела на Украине театральной делами. Они крутят, и их канцелярская шарманка повторяет один и тот же, давно надоевший бюрократический мотив.

Ал. ИОНОВ

К Первому съезду писателей он пришел автором одной книги... а ко Второму — автором десяти. Рис. Е. Гурова

ПРЕДСЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Н. ГРИБАЧЕВ, С. СМЕРНОВ

„Виолончелист“ получил канифоль...

Пусть И. Сельвинский, сам назвавший себя виолончелистом в «поэтическом оркестре», заявит нас, если мы его не так поняли. Однако же, сдается нам, что смысл и пафос его статьи «Наблюдения о виолончели» («Литературная газета» от 19/Х с. г.), с какой стороны ее ни взять, — отнюдь не практическая забота о развитии творческих наклонностей и выдвигание молодых, как это может показаться на первый взгляд. За развитие творческих наклонностей и любовное отношение к молодым стоят все здоровые силы нашей литературы, и разговор может идти в канун съезда лишь о том, как это лучше сделать. Смысл же и пафос статьи И. Сельвинского — это личная обида поэта на то, что его якобы не по заслугам мало печатают, что о нем мало пишут рецензий, что секретари Союза писателей, поругивание которого иногда приобретает характер моды, проявил полную неспособность к руководству литературой, поскольку не все члены секретариата пришли в восторг от трагедии «Читая «Фауста»». Возможно, и И. Сельвинский и впрямь есть некоторые основания для обиды, и в этом случае не было бы ничего предосудительного, если бы он изложил их открыто, но сделал он это таким образом, что с ним не только можно, но прямо-таки необходимо спорить. В поэзии у нас и без того много нерешенных проблем — для чего же запутывать дело еще больше дракой за популярность в читателе и критике? К чему сутенить и надирать, таская камни для сооружения собственных монументов? Славу между патами поделит народ, а дело поэтов — работать, решать насущные проблемы литературного развития и создавать произведения как можно более высокого качества.

Красного сленца ради, И. Сельвинский уподобляет современную поэзию оркестру, успеха из виду, что подобные параллели эффективны часто внешне и никчемны по существу. Распределив наспех и кое-как

было бы для И. Сельвинского и полезнее для дела написать рецензию на эти стихи, но этого как раз и не случилось. И еще одно: вы, И. Сельвинский, требуете от руководства Союза писателей, чтобы оно обслуживало все книги, поступающие в издательство и редакции журналов, но почему вы, будучи заместителем председателя поэтической секции несколько лет подряд, почти не принимали участия в работе секции и даже не пришли на обсуждение стихов Л. Мартынова, о судьбе которых так печальтесь? Что касается Ипина, то его стихи систематически выходят во всех издательствах, начиная от Гослитиздата и «Советского писателя» до Архангельского издательства. Это и есть лучшее свидетельство популярности поэта.

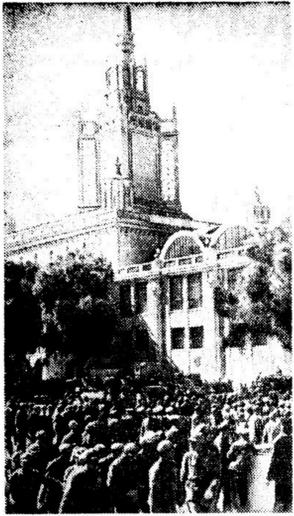
Нам кажется, что такое заигрывание с поэтами, апелляция к их самолюбию, и попытки привлечь на свою сторону, отнюдь не лучший метод разговаривать о поэзии и высказывать руководство союза и критике свои собственные претензии!

направление в поэзии, наиболее ярко выраженное в творчестве Твардовского, Исаковского и Суркова, в пользу направления, представляемого И. Сельвинским и некоторыми другими поэтами. Не случайно автор статьи прямо указывает: «Одно литературное течение, возглавленное Твардовским, поглощало все остальные». Что ж, разговор о направлениях в поэзии — разговор своевременный и не лишней практической интереса, только вряд ли его следует решать посредством туманных инсинуаций и мудреных головоломок: потому в «оркестре» сидят скрипки и клареты там, а не тут, так, а не этак? Не лучше ли установить сначала: какие у нас есть направления и в чем их особенности, откуда, от каких традиций они идут и насколько эти традиции развиваются и обогащаются, каковы их подлинники успехи в создании произведений, в которых нашлось отражение образ современника и дух времени?

Стыдливо, робовато, с извиняющимися нотками в голосе мы иногда отмечаем, что творческие направления у нас все-таки имеются, но тут же и делаем вид, что для развития поэзии из этого факта ничего не проистекает. Более того, признавая в жизни и противоречия, и конфликты, и борьбу мнений и убеждений, мы подчас из кожи вон готовы лезть, чтобы доказать, что у нас в поэзии никакой борьбы и никаких конфликтов нет, а есть только сплошное и безграничное содружество, как будто поэзия не является частью жизни, как будто в нашей среде все пережитки предрассудков и глубокие конфликты исчезли сами собой навсегда. Нет, так в жизни не бывает! Конечно, нас не разделяет различие идейных убеждений в широком смысле слова. Конечно, эстетические запросы наших читателей могут и должны обслуживать все творческие, то есть формальные, направления, однако же это вовсе не значит, что все они способны решать эту задачу одинаково успешно. Разумеется, было бы нелепо в приказном порядке отменить одни творческие направления и узаконить другие, но так же нелепо было бы бесотносительно к фактам литературного развития не видеть различия между творческими направлениями и заниматься уравниловкой. В решении этого вопроса следует исходить из конкретного анализа. А что, даже в общих чертах, покажи нам анализ?

в котором много живописных строк, кончается наивным и примитивным нутуком: сообщив, что первому родившемуся на целине ребенку дали имя Кочетав, автор глубокомысленно вопрошает: Но чем же лучше, например, «Мишутка»? Мы скажем: ничем, кроме того, что Кочетав труднее произносится, что немаловажно для родителей. Сам такой случай тоже не нов — было время, у нас называли детей Френриками, но это время прошло. В кошачьем счете, это дело родителей. Однако если уж сравнивать, то надо сравнивать Кочетав — Мишутка или Кочетавушка, Кочетавчик — Мишутка! Таким образом, начал поэт стихотворение серьезно, а শেষ вдел в нутуку. В других стихотворениях И. Сельвинского происходят странные вещи. Тракторист из кабины, «как синячок синичке, свистит спой же», которая работает на прицепе. Естественно, что эта итгья иллия мало выжета с тем напряжением, с которым работает тракторист, да, кроме того, вряд ли тихий и тонкий синичий свист можно расслышать за грохотом трактора, — тут уж нужен свист могучий, богатирский! В другом стихотворении украинец Голодид, находясь на прицепе, «слышит песню из кабины» — Конурбав голосит: «Украина! Украина!». Слово «голосит» в русском языке означает плакать в голос, причитать в большом горе или на похоронах. По мнению же Сельвинского, это означает — петь! В свете всего этого становится понятным, что в них, при наличии многих хороших строк и строк, много и претенциозного, и в целом они далеки от жизни.

Наиболее крупный поэтический капитал И. Сельвинского составляют исторические трагедии. У нас нет ни одного поэта, который столько поработал бы в этом жанре. Однако же историческая тема, особенно, если речь идет о совсем уж далеком прошлом, сегодня меньше привлекает наше внимание, чем тема современная. К тому же такая трагедия И. Сельвинского, как «От Полтавы до Гангута», написана на уже неоднократно использованном материале: о Нерне Первом писали и Пушкин, и Александр Толстой, не считая существования бесчисленного количества менее крупных произведений и исторических очерков.

Пекин. На выставке экономических и культурных достижений СССР. Выставка пользуется большим успехом у населения китайской столицы. Фото А. Воробьинского

Вера ИНБЕР СЕНАТОР УАЙЛИ — АТОМНЫЙ ДЕМАГОГ ПАМФЛЕТ

Сенатор от штата Висконсин, один из лидеров республиканской партии, председатель сенатской комиссии по иностранным делам, Александр Уайли, по заверениям американской печати, войдет в историю как крупнейший говорун Соединенных Штатов. Некоторые неопытные современники предпочитают называть его даже «зловещим красноречивцем».

Мистер Уайли выступает ежедневно, а иногда по несколько раз в день, и притом в самых разнообразных аудиториях. Не успеют газеты опубликовать речь, произнесенную Уайли на военном кладбище, где он потренировал память погребенных солдат, как сенатор выступает уже перед ассоциацией адвокатов, откуда сразу спешит на собрание агентов рекламных бюро и коммюниковеров.

Сегодня Александра Уайли слушают владельцы трикотажных фабрик, завтра — дипломаты, послезавтра — журналисты. Домашние хозяйки, студенты, заснеженные республиканские клубы и многие, многие другие — все они рукоколенут (а может быть, и нет) мистеру Уайли.

В республиканской партии Уайли слышит самым красноречивым оратором. Правда, рядом с косноязычным Маккарти или угромо-немо-словным Ноуландом не так уж трудно казаться Цицероном.

Но стоит лишь бросить беглый взгляд на стиль многоглагольных высказываний Уайли, — и сразу станет ясно, что перед нами если и Цицерон, то во всяком случае пришедший с «Мейнстрит» — с главной улицы того провинциального, скучного и плоского городка в Среднем Западе, где протекала большая часть жизни сенатора из Висконсина.

Почти в каждом американском городке есть такая улица. Ее издавна узнаешь по церковному куполу, остроконечному шпилю местного банка и неоновым огням, которыми, подобно маяку, украшен местный «салун». Синклер Льюис иронически называл ее «вершиной цивилизации» и многозначительно подчеркивал, что главная улица в любом городке — это продолжение главной улицы любого другого городка.

Здесь — в этой затхлой атмосфере сто-процентно-мещанского «американизма» — берут начало истоки красноречия мистера Уайли. Стиль его выступлений — весьма непринужденный (а еще точнее, развязный) и по-своему богатый оттенками: он представляет собой смесь демагогии, ханжества, шантажа, клеветы и вульгарного «салунного» юмора.

Мистер Уайли никогда не пишет своих речей сам — за него это делает его секретарь. Возвращаясь на кафедру, сенатор наливает темные очки и тоном проповедника начинает произносить заранее составленную речь, сопровождая ее пышными жестами и перемешая различного рода «экспромтами». Буржуазный журнал «Репортер» не без грусти разглядел в них «отсутствие должной чистоты в отношении точности произносимых слов». Если эту вульварную словесную формулу перевести на обычный язык, то получится: безответственная болтовня. Таково содержание выступлений мистера Уайли. Те же экспромты мистера Уайли были как-то в буржуазной печати метко названы «салунными данностями».

Мистер Уайли никогда не пишет своих речей сам — за него это делает его секретарь. Возвращаясь на кафедру, сенатор наливает темные очки и тоном проповедника начинает произносить заранее составленную речь, сопровождая ее пышными жестами и перемешая различного рода «экспромтами».

Итак, от возмущенных похвал красноречию мистера Уайли не осталось почти ничего. Слово «почти» поставлено здесь не случайно. Странники мистера Уайли могут ухватиться за то, что в речах его обычно встречается юмор. Господа Уайли, утверждающие, что он любит пользоваться шуткой. Он даже коллекционирует остроумия. А во время его выступлений в зале часто звучит смех.

Что же, не станем оспаривать этого утверждения хотя бы уже по одному тому, что не слышали мистера Уайли. Сомневаемся лишь в ответ на следующие место из «Похвалы глупости»: «...Я дерзая утверждать, — говорит Глупость, — что единственно мое безобразное присутствие веселит богов и людей. Ничуть не тому доказательство перед вами: едва вошла я на кафедру в настоящем многолюдном собрании, как все лица просияли новым и непривычным весельем, все головы наклонились вперед и повсеместно раздались приятный, ликующий смех».

Кто может поручиться за то, что приятный, ликующий смех, раздающийся якобы в аудитории великий раз, когда на кафедру выходит мистер Уайли, не срывает самому смеху, который как раз и имел в виду Фразм Роттердамский?

Все перечисленные выше факты отнюдь не помешали мистеру Уайли сделать отличную карьеру. Штат Висконсин был свидетелем неуклонного продвижения Александра Уайли по ступеням успеха.

Получив юридическое образование, мистер Уайли, входя в жизнь, обзавелся молочной фермой. Это не помешало ему исполнять одновременно обязанности прокурора и активиста одного из республиканских клубов. (Заметим в скобках: уже в то время количество речей, произносимых мистером Уайли, не слишком приятно удивляло даже его единомышленников).

Будучи избран сенатором от штата Висконсин, Александр Уайли на первых порах «спрославился» тем, что в своих выступ-

лениях рекламировал висконсинский сыр, сказываясь влиянием молочной фермы. Но постепенно сырно-вегетарианский аромат полностью вытравляется из выступлений неумолимого оратора, уступая место аромату неумеренной агрессивности в области внешней политики.

Почти десять лет назад мистер Уайли становится членом сенатской комиссии по иностранным делам, а последние четыре года возглавляет ее. Председатель сенатской комиссии по иностранным делам, сторонник «жесткого курса», Александр Уайли признает один только язык, «язык силы». «Зловещий красноречивец» превращается в злобного маниака, пышущего ненавистью к Советскому Союзу и странам народной демократии. На трибуне Александр Уайли хлопочет, как котлет, как весьма своеобразный уличный котлет, хотелось бы добавить. По отношению к Уайли это

Рис. Бор. Ефимова

сравнение нам кажется вполне уместным, поскольку атомный шантаж стал его специализацией. Впрочем, он не брезгает и менее совершенными видами оружия.

Хорошо осведомленные круги утверждают, что Уайли на всем протяжении своей политической карьеры один только раз признал, отвечая на вопрос корреспондента: «Единственный ответ, который я могу дать, состоит в том, что я ничего не могу сказать». Но это было один только раз. Во всех остальных случаях Александр Уайли высказывается самым категорическим образом по всем без исключения, но преимущественно внешнеполитическим вопросам.

У этого «шутника» есть два слова «программа республиканской внешней политики». В ней он, кстати говоря, весьма одобрительно упоминает наущениям в свое время требования Теодора Рузвельта о необходимости «говорить мягко и держать в руках большую палку».

В своей программе Уайли настаивает на необходимости «обеспечить приток новой крови в планирование и осуществление нашей внешней политики». Анализируя речь сенатора из Висконсина, содержание не только шутки, но и в первую очередь не только призывов к превентивной войне, трудно отказать от мысли, что он придает своему требованию буквальный смысл. Так и кажется, что он имеет в виду приток свежей человеческой крови, проливаемой на полях сражений во имя интересов американских монополий.

Сенаторскую коллегия мистера Уайли вклатывает по ухабам повелевательной международной лжи два его любимых «конька»: атомный шантаж и тотальный шпионаж. И то и другое он с пеной у рта рекомендует применять со все возрастающей силой против Советского Союза, Китая и стран народной демократии. Соединенные Штаты должны предъявлять Советскому Союзу ультимативные требования и «подкрепить их силой», — вопиет Уайли. Выкрикивая свои угрозы, американский сенатор вкладывает в такой раж, что начинает походить на некую куму, которой не раз выговаривали: «Шалишь, кума, не с той ноги плясать лошади».

В свое время Диккенс, побывав в Соединенных Штатах и посетив сенат, с отвращением писал о том, что в его стенах «...угрозы слышатся такие, каких себе не позволял ни один джентльмен в образованной стране». Современные политические мучи, заседающие в Капитолии, и по этой части далеко превзошли времена, описанные великим английским романистом: угрозы, применяемые, например, шутником Уайли, столь же мало напоминают услышанные Диккенсом, как реактивный самолет мало напоминает дирижабль.

1950 год. Уайли заверяет, что, если начнется война с Советским Союзом, мы, конечно, применим атомную бомбу. Он призывает сенат «не снижать жизненно важных ассигнований на военные нужды, в особенности — в области бактериологических и атомных исследований».

1951 год. Обобщая действия генерала Риджуэя, пременяя Маккарти в Корее, Уайли заявляет, что миру нужны «еще несколько макартуров».

Январь 1953 года. Уайли тепло приветствует агрессивные мероприятия правительства Эйзенхауэра, развязывающие руки гоминдановскому бандаиту на Тайване.

Апрель 1953 года. Уайли на совещании промышленников горячо требует увеличения гонимых вооружений и выражает беспокойство по поводу возможного мирного урегулирования дел в Корее.

Май 1953 года. Уайли с пламенной заинтересованностью откликается на сообщения об успехах веткампии Народной армии в Индо-Китае. «Если бы это от теле-

гра зависело, — заявил Уайли журналистам, — мы бы занялись обучением французских летчиков обращению с атомными бомбами». «Вы представляете себе, что могла бы сделать относительно небольшая атомная бомба!» — воскликнул Александр Уайли со свойственным ему убойственным юмором.

Май 1954 года. Уайли, в дни работы Женевского совещания, призывает Соединенные Штаты предпринять «какие-то действия», чтобы удержать Юго-Восточную Азию.

Август 1954 года. Уайли отменил очередную «шутку». Он заявил, что новый Китай — это «неислужливый мальчик», которого еще рано принимать в ООН.

Сентябрь 1954 года. Брюссель, Бонн, Гаага, Вена, Лондон — таков неполный перечень тех городов, где выступал говорун Уайли. Предметом его особого внимания явилось «европейское общественно-политическое сотрудничество». «Великая идея, воплощенная в ЕОС, не может умереть», — авторитетно утверждал Уайли.

Октябрь 1954 года. Уайли на правах «благожелательного американского партнера» выступает с «предупреждением» по адресу Франции. Лондонские соглашения о демилитаризации Западной Германии он с присущим ему юмором назвал результатом «политики доброго партнерства».

Мистер Уайли продолжает поразить мировую общественность своей феноменальной ораторской неутомимостью, принявшей характер маниакальности.

Призывы «сбросить атомную бомбу» встречаются в речах мистера Уайли настолько часто, что иной раз начинают казаться, будто эти три сакральные слова вообще составляют неизменяющую часть всего словарного запаса висконсинского шутника.

«Весь мир является нашим подом смирания», — разгорячившись, заявляет этот весельчак.

В своих выступлениях он снова и снова обращается с угрозами к Франции, к тем же патристическим силам, которые начисто отвергли «великую идею ЕОС». Он гневно жестукурирует, взмывает оки к небу, сокрушается, вопит. Но, держа на прицеле своего внимания Францию, Уайли не забывает и другим европейским странам втолковывать «спринצים индивидуальной свободы», на страже которых будто бы стоит Америка. «Каждый австриец должен знать, что американские солдаты любят Австрию, однако, конечно, охотнее всего находились бы дома», — заверяет Уайли, скажем, Австрию.

Как раз в результате такого рода «любви» американских империалистов к западноевропейским странам сенатору Уайли и удалось значительно увеличить количество своих говорильных баз, с которых он при помощи залпов своей «отрапательной риторики» и ведет огонь по Советскому Союзу, по Китаю, по странам народной демократии, да и по всем тем державам, которые возражают против американского диктата и «политики силы».

Промчавшись недавно галопом по нескольким странам и сев на ходу то угрозы, то предупреждения, республиканский лидер, конечно, не добился ничего. Там не менее он счел необходимым похвастать своим турне. «Я не видел ни одного человека», — заявил он многозначительно и весело, — который сомневался бы в том, что мы посетили себя делу мира и защиты свободы человека».

Эта фраза неожиданно для мистера Уайли оказалась одной из его наиболее удачных шуток. Она вызвала подлинный взрыв смеха во всем мире.

«Наша политика должна быть дерзкой», — провозглашает он и взмывает оки к небу... В этой поистине красноречивой позе мы и покидаем мистера Уайли.

Непритязательный шутник и злостный красноречивец, вышедший из среды висконсинских сыроваров, оказался при ближайшем рассмотрении незаурядным «атомным демагогом». Он сумел капитализировать даже собственное нежелание приходить в нужные ему круги и авторитет, сделав из своего легкомыслия выгодный бизнес, поставив его на службу своим всеильным хозяевам.

Но взгляните еще пристальнее в сенатора Уайли: да ведь это же не кто иной, как внешнеполитический Маккарти! Ведь и мистер Уайли был бы очень не прочь вызывать в возглавляемому им комитету сената для допроса с пристрастием отдельных страны и целые народы, читать им истерические нотации, лишь бы их благонадежности, зачислять в «черный список», а кое-кому и вообще отказывать в «визе» на существование. Но что поделаешь, если у Маккарти в этом смысле возможностей куда больше, чем у Уайли!

И «старший сенатор из Висконсина», глядя с завистью на «младшего сенатора» (им считается Маккарти), бесильно расточает угрозы, еще ни разу не стуча кулаком по сенатской трибуне и грозя, грозя неислужливым народам не тюремной решеткой, а атомно-подородным оружием.

Время движется вперед. 1954 год уже вступил в последнюю четверть, а Уайли продолжает говорить. Весна, вероятно, что в тот момент, когда именуется эти строки, злостный говорун в очередной речи провозглашает «конструктивное», «динамическое», «атомное» мировое руководство США.

Пусть же мистер Уайли, остановившись на мгновение лишь для того, чтобы перевести дыхание, сделав паузу и прислушавшись к грому гуду тех народных аудиторий, которые и не таких говорунов навсегда лишали слуха!

Г. РУДОЙ ТРАГЕДИЯ ОБРЕЧЕННОЙ ДЕРЕВНИ

...Танки неумолимо надвигаются... Пять... Шесть... Семь... Перед ними нет ни надобно, ни противотанковых рвов. Им противостоит лишь живая стена, но она крепче железа и стали. Мужчины, женщины, старики и дети... Взявшись за руки, они стали плечом к плечу с твёрдой решимостью — погибнуть, но не пустить танки в деревню...

Это не описание событий минувшей войны. И дело происходит не в Корее и не во Вьетнаме, а в Западной Германии. Это один из полных глубокого драматизма эпизодов самоотверженной борьбы крестьян западногерманской деревни Диттердорф, о которой правдиво повествует книга молодого немецкого писателя Вольфганга Нейгауза «Чёрные флаги Диттердорфа» *.

Крестьяне Диттердорфа дожны, по приказу американских оккупационных властей, оставить землю своих предков, бросить возделанные поля и обжитые дома, имущество, накопленное тяжёлым трудом. На земле Диттердорфа будет устроен американский военный аэродром, а вся местность вокруг станет районом учений прибывших из-за океана войск.

Деревня с таким названием, возможно, и нет в Западной Германии. Но там есть десятки и сотни реально существующих деревень, похожих, как две капли воды, на Диттердорф, которым угрожает такая же страшная участь: быть стертыми с лица земли.

В повести Вольфганга Нейгауза художественно обобщены повседневные, обыденные явления западногерманской действительности. Достаточно раскрыть страницы едва ли не любой не только демократической, но и буржуазной газеты, издающейся по ту сторону границы, пересекающей живое тело Германии, чтобы найти сообщения о строительстве на немецкой земле американских, «атлантических» и «европейских» военных баз, аэродромов и полигонов, складов боеприпасов, казарм и учебных лагерей для воссоздаваемого вермахта, сообщения о танках, утюжках, крестьянские поля, и о солдатах, вытаскивающих псов во время маневров.

С горьким сочувствием и возмущением настоящего патриота рисует писатель трагическую борьбу обречённой деревни, убедительно показывает, как преступная политика американских оккупационных властей и подчинившихся их диктату боннских правящих кругов встречает крепнущее с каждым днем национальное сопротивление самых широких слоев немецкого народа.

— Кто имеет право отнять у нас землю? Это против закона. У государства нет таких прав... Плевать я хотел на такое государство, которое делает свой народ нищим! — говорит один из крестьян Диттердорфа. — Это моя родина... Деревня... земля... всё... Я не дам выгнать себя, как собаку! — восклицает другой.

Крестьяне решают не подчиняться бесчеловечному приказу. Но их протест еще носит стихийный, неорганизованный и неустойчивый характер. Многие колеблются, большинство еще верит в «справедливость» боннских властей, собираются писать петицию в Бонн.

И кто знает, нашли бы крестьяне Диттердорфа один в себе силу, волю и умение противостоять безудной американско-боннской милитаристской машине, если бы на помощь им не пришли безработные, обманно завербованные в так называемую «рабочую команду», прибывшую в лагерь неподалеку от деревни. Это их руками должен быть снесен Диттердорф и на его месте построен аэродром.

В лагере у безработных не остается сомнения, что «рабочая команда» — не что иное, как закамуфлированная воинская часть, где на них снова скоро наденут ненавистную униформу, только на этот раз американского образца. Мрачный лагерь обнесен колючей проволокой, у ворот — часовая в стальном шлеме, с автоматом, фельдфебель угрожающе орет: «Предупреждаю, вы — под американским командованием!»

«Рабочая команда» быстро находит с крестьянами Диттердорфа общий язык, объявляет в знак протеста и солидарности с крестьянами забастовку, требует роспуска «команды» и отмены приказа о сносе деревни.

Рабочие вносят в стихийный крестьянский протест строгую организованность и ости, пролетарской стойкости, политической сознательности и целеустремленности. Создан боевой комитет

* Вольфганг Нейгауз «Чёрные флаги Диттердорфа». Берлин.

Wolfgang Neuhaus «Die schwarzen Fahnen von Dittersdorf». Berlin.

АДЕНАУЭР: — Эй, Микель, ты что, не слышишь? Прекрати шипеть! Это не занятие для мужчин. Погляди-ка лучше, что я тебе привез из Лондона!.

Рисунок худ. Шмита из немецкой газеты «Берлинер цейтунг»

По страницам иностранной печати

В БОННСКОМ «РЕЙХЕ» В консервативной западногерманской газете «Дер Рейнфальд» помещено письмо читателя, в котором говорится: «Людей, которые протестуют против публичного мнения «Хорст Вессель», избивают теперь на глазах преставителей оккупационной державы. Оккупационная держава может и впредь гордиться тем, как она «демократизировала» Германию. Очень многие крупные нацисты занимают сейчас видное положение, не имея на то никаких оснований, причём это наблюдается не только в правительственных органах или в редакциях газет и журналов, но и в экономической жизни. Люди, которые сделали карьеру исключительно благодаря режиму

из представителей крестьян и рабочих. Об участи, ожидающей деревню, узнает вся страна, и со всех концов Западной Германии, из городов и сел Германской Демократической Республики идут в Диттердорф выражения солидарности и поддержки. Крестьяне постепенно начинают дознавать, что их борьба за Диттердорф — часть общей борьбы против новой войны, за единство родной страны.

Писатель, верный правде жизни, показывает, что только в союзе с рабочим классом обретают свою силу крестьяне, что только единство действий простых людей, объединение всех подлинно патристических, демократических сил народа способно привести к успеху этой справедливой борьбы. В то же время Вольфганг Нейгауз умело раскрывает сложный и порой мучительный процесс постепенного приобщения к борьбе людей, еще вчера считавших себя вне «политики».

«Что мы можем против этого сделать?» — вот до поры до времени жизненное кредо крестьянина Дондорфа — центрального персонажа книги. Он и знает ничего не хочет о «политике», все его помыслы ограничены рамками крестьянского двора. Жизнь обрушивает на Дондорфа тяжёлый удар: окопками снаряда, выпущенного с находящегося вблизи деревни американского полiglота, изуродован его семилетний сынкиа Нохен. Рухнула мечта крестьянина о наладном поминке в хозяйстве, о наследии. Но даже и сейчас Дондорф еще далек от мысли о протесте.

Приказ об эвакуации деревни вызывает в нем приступ гнева и отчаяния, которые снова сменяются покорностью. Дондорф даст убедить себя, что где-то в другом месте ему дадут еще лучшую землю, возместят убытки, и, уступая настояниям злобной жены, покидает деревню, провозглашая презрением односельчан. Дочь его Анна отказывается последовать за отцом: она связала свою судьбу с одним из руководителей сопротивления.

Жизнь снова обрушивает на Дондорфа тяжёлый удар. Напрасно обивает он в Ганновере пороги правительственных канцелярий: его не слушают, от него отмахиваются, на него смотрят с удивлением. Семью Дондорфа ожидают безрадостные скитания по лагерям для переселенцев. И тогда Дондорф возвращается в родную деревню, возвращается накануне решающего дня, когда по всей деревне уже зловеще и тревожно колышутся чёрные флаги — не только знак траура, но и символ решимости бороться до конца и, если надо, идти на смерть.

И вот... Неумолимо надвигаются танки... От живой земли медленно отделяется пожелтый человек... Он медленно, твердо шагает навстречу танкам. Это Дондорф. Его рука лежит на плече копящегося на колесах мальчика... Еще мгновение... Головной танк, с намазанной на передней стороне голы краской, внезапно останавливается. В люке показывается жующий резинку офицер.

— Проклятый немец! — орет он. Чего хотят эти проклятые немцы? Ему йв поют бурю чувств в душе этих людей, у него приказ — очистить деревню, но у него пока еще нет приказа раздвинуть их... Головной танк разворачивается и уходит, за ним — остальные...

Мужество простых людей, защищающих свое право на жизнь, одержало первую, еще не окончательную, но самую трудную победу. Впереди еще много невзгод и жертв, предстоит упорная и трудная борьба, но герои книги идут ей навстречу, одушевленные своим первым успехом.

Подобно тому, как они заставили отступить американские танки, они готовы бороться за то, чтобы заставить отступить угрозу войны.

...Высоко над полями возвышается остроконечная колокольня деревенской церкви. Далеко видны белые буквы на черном полотнище, прикрепленном к ее шпилю: «Родина, мы тебя не оставим!» И эти слова звучат, как клятва.

ПОСЛЕ ЛОНДОНСКОГО СОВЕЩАНИЯ

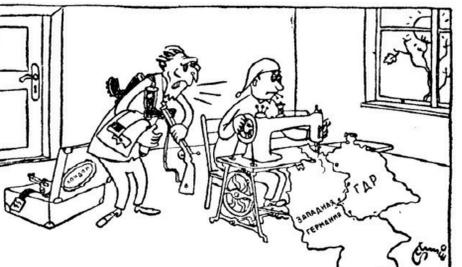

Рисунок худ. Шмита из немецкой газеты «Берлинер цейтунг»

«стретного рейха», теперь еще более богатой за счет контрактов с оккупационной державой. Разве после этого можно отрицать, что мы живем в нацистском государстве?»

ИРОНИЯ Судьбы Далекие правые социалисты решили выступить в свет истории социал-демократизировала Германию. Очень многие крупные нацисты занимают сейчас видное положение, не имея на то никаких оснований, причём это наблюдается не только в правительственных органах или в редакциях газет и журналов, но и в экономической жизни. Люди, которые сделали карьеру исключительно благодаря режиму

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: В. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.